

П. Блонский

**О национальном
воспитании**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. Блонский**
О национальном воспитании / П. Блонский – М.: Книга по Требованию, 2014. –
40 с.

ISBN 978-5-458-54730-7

ISBN 978-5-458-54730-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ратура уже успѣла поставить вопросъ о національномъ воспитаніи, сдѣлавъ его одной изъ самыхъ главныхъ темъ своихъ. Вѣдь развѣ комедіи Фонвизина съ ихъ Иванушкой и Вральманомъ и рядъ статей въ сатирическихъ журналахъ той эпохи не были рѣзкимъ протестомъ противъ иноземнаго воспитанія? А басни Крылова и обличенія Грибоѣдова? А воспитаніе Евгенія Онѣгина и Гринева? А воспитаніе тургеневскихъ героевъ? Вся наша литература того времени—сплошной крикъ противъ уродливаго, не національнаго воспитанія, но этотъ протестъ противъ иностранцевъ-воспитателей и эта тоска по роднымъ педагогамъ оставались безъ удовлетворенія.

Но вотъ, съ эпохи освобожденія крестьянъ, начинается кипучее педагогическое творчество. Главный представитель его—Ушинскій, а одна изъ его главныхъ статей—О народности въ общественномъ воспитаніи. Вотъ три первыхъ тезиса этой статьи: 1) общей системы народнаго воспитанія не существуетъ, не только на практикѣ, но и въ теоріи, и германская педагогика не болѣе какъ теорія нѣмецкаго воспитанія; 2) у cadaго народа своя особенная національная система воспитанія, а потому заимствованіе однимъ народомъ у другого воспитательныхъ системъ является невозможнымъ; 3) опытъ другихъ народовъ въ дѣлѣ воспитанія есть драгоцѣнное наслѣдіе для всѣхъ, но точно въ томъ же смыслѣ, въ которомъ опыты всемірной исторіи принадлежатъ всѣмъ народамъ. Какъ нельзя жить по образцу другого народа, какъ бы заманчивъ ни былъ этотъ образецъ, точно такъ же нельзя воспитываться по чужой педагогической системѣ, какъ бы ни была она строина и хорошо обдуманна.

Преемникъ Ушинскаго—Стоюнинъ. Въ статьѣ «Чего не досказали намъ нѣмецкіе педагоги» онъ пишетъ: «Имъ, можетъ быть, не пришло въ голову повторять тѣ истины, которыя для нихъ такъ очевидны и общеизвѣстны. Иначе бы они сказали, что дѣло школы можно разсматривать только въ связи со всѣми условіями жизни того народа,

для котораго она предназначена... Мы не думаемъ, прибавили бы они, что русскій народъ похожъ на нѣмецкій, что его исторія имѣетъ что-либо общее съ нѣмецкой, не думаемъ, что и сколки или слѣпки съ нѣмецкихъ школъ не окажутся мертвыми въ жизни русскаго народа... Тогда, конечно, намъ стыдно было бы думать, что для школы довольно опредѣленной программы, высиженной въ кабинетѣ, довольно инструкцій, придуманныхъ какимъ-нибудь школьнымъ политикомъ, и школа будетъ жить, развиваться и приготавливать къ какой угодно дѣятельности.

На томъ же самомъ въ статьѣ «О народномъ образованіи» будетъ настаивать гр. Л. Н. Толстой, ѣдко высмѣивая исторически висяція въ воздухѣ наши «попытки по-нѣмецки образовать, направлять и учить». То же будутъ повторять и *dii minores* русской педагогіи—Водовозовъ, Рачинскій и др. Требованіе замѣнить копію съ нѣмецкой школы школой настоящей русской—основное требованіе вождей нашей педагогики.

III.

Воспитаніе, съ соціологической точки зрѣнія, есть сохраненіе преемственности и обезпеченіе роста общей традиціи. Эта преемственность достигается посредствомъ подготовки развивающагося поколѣнія къ постепенному усвоенію культурной традиціи, съ цѣлью дальнѣйшей разработки имъ отдѣльныхъ сторонъ ея. Такимъ образомъ, задача воспитанія — сохраненіе преемственности и обезпеченіе роста общей культурной традиціи. Такъ опредѣляетъ воспитаніе цѣлый рядъ соціологовъ ¹⁾.

Но, съ другой стороны, общая культурная традиція и является содержаніемъ понятія національности. Если мы встрѣчаемъ рядъ социальныхъ группъ, имѣвшихъ въ прошломъ на значительномъ для ихъ самосознанія протяже-

¹⁾ Монро, Исторія педагогики, ч. II, стр. 337—338.

нии времени одну и ту же общую исторію и имѣющихъ, вслѣдствіе этого въ настоящемъ одну и ту же общую культурную традицію, мы имѣемъ предъ собою націю ¹⁾). Нація есть извѣстное единство, являющееся результатомъ исторической общности культурной традиціи; но эта общность культурной традиціи сохраняется и поддерживается черезъ воспитаніе. Такимъ образомъ, понятія воспитанія и національности—понятія логически близкія.

Но понятіе національности, какъ и всякое соціологическое понятіе, надо мыслить исторически. Нація есть исторически возникшее культурное единство составляющихъ ее соціальныхъ группъ. Это единство есть равнодѣйствующая различныхъ стремленій и теченій, и если эти стремленія входящихъ въ составъ націи соціальныхъ группъ чересчуръ ужъ различны, то ихъ равнодѣйствующая получается слишкомъ малой по величинѣ. Дѣйствительно, въ моменты обостренія классовой и групповой борьбы, національное самосознаніе угасаетъ, и національное единство можетъ поколебаться. Такъ, напримеръ, въ подобный еще недавно пережитый Россіей моментъ русская социаль-демократія доходила до полного отрицанія національной идеи, считая ее затемненіемъ классоваго сознанія, а русская реакція обращалась за помощью въ Берлинъ. Но, съ другой стороны, если эти стремленія и интересы составныхъ соціальныхъ группъ совпадаютъ въ болѣе или менѣе значительной степени, національное самосознаніе повышается, и національное единство предстаетъ особенно сильнымъ. Такой моментъ переживаемъ мы теперь.

Попытки абсолютизировать моменты внутринациональной борьбы или солидарности были причинами космополитическихъ или узконационалистическихъ теорій. Но соціологъ долженъ мыслить исторически и базироваться на

¹⁾ Различныя опредѣленія націи приведены у Динзе, о національномъ воспитаніи, 1913 г., гл. 1.

безспорной тенденціи историческаго процесса. Такая тенденція для нашего времени—прогрессирующая демократизація общества. Но общее участіе въ жизни государства, конечно, можетъ лишь содѣйствовать общности культурно-исторической. Въ результатъ культура также демократизируется и, слѣдовательно, націонализируется. Чѣмъ больше демократизма, общественнаго и бытового, тѣмъ большимъ единствомъ проникается жизнь народа и культура его, тѣмъ крѣпче его національная связь и тѣмъ болѣе органической является его школа.

Итакъ, ростъ національнаго самосознанія и идея національнаго воспитанія опираются на демократическую тенденцію современнаго общества. Съ этой точки зрѣнія Ушинскій былъ правъ, когда, обсуждая вопросъ о національномъ воспитаніи, заявлялъ: общественное воспитаніе только тогда оказывается дѣйствительнымъ, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всѣхъ и семейными вопросами для каждого; система общественнаго воспитанія, вышедшая не изъ общественнаго убѣжденія, какъ бы хитро она ни была обдумана, окажется безсильною. Съ этой точки зрѣнія и Л. Н. Толстой послѣдовательно утверждалъ, что только созданная исторіей народа школа будетъ прочной. Только такая школа и будетъ школой національной, а не подражаніемъ иностранной школѣ. Конечно, школа, какъ и вся культура страны, въ любой данный историческій моментъ будетъ находиться подъ большимъ вліяніемъ болѣе сильнаго класса, ибо этотъ классъ въ данный моментъ будетъ являться носителемъ культурной традиціи въ большей мѣрѣ, нежели другіе классы и группы. Но только, мы желали бы подчеркнуть, нація, или историческое культурное единство, всегда есть равнодѣйствующая составныхъ соціальныхъ группъ и, какъ таковая, есть вполне своеобразная индивидуальность, которая, по мѣрѣ демократизаціи общей жизни, т.-е. по мѣрѣ утраты исключительнаго вліянія какой-либо привилегированной группы,

все болѣе и болѣе отъ специфически классовой или групповой индивидуальности отдаляется. Кромѣ того, такъ какъ каждый новый классъ въ значительной мѣрѣ ориентуется на культурныхъ приобретеньяхъ своего предшественника, то возрастающая такимъ образомъ культурная подпочва оказывается все болѣе внѣклассовой, точнѣе—общеклассовой. Такимъ образомъ, съ развитіемъ историческаго процесса и съ демократизаціей культуры, школа, особенно элементарная, утрачиваетъ классовый характеръ и превращается въ общенациональную (эволюція школы состоитъ въ постепенномъ превращеніи изъ школы сословной въ школу народную).

Другая несомнѣнная тенденція нашего времени—крайнее усложненіе историческаго процесса и социальной жизни. Старое марксистское представленіе о рѣзкомъ расчлененіи національнаго единства на двѣ обособленныя экономическія группы съ становящимся все болѣе однороднымъ внутреннимъ составомъ каждой изъ нихъ оказывается все менѣе соответствующимъ дѣйствительности. Мы не можемъ болѣе при анализѣ современнаго историческаго процесса руководиться столь упрощенной дуалистической теоріей. Каждая изъ этихъ группъ распадается, въ свою очередь, на рядъ группъ, иногда солидарныхъ, иногда враждебныхъ. Сложность социальной структуры современнаго общества допускаетъ возможность самыхъ разнообразныхъ сочетаній, и съ развитіемъ этой сложности каждая національность, какъ отдѣльное своеобразное сочетание составныхъ социальныхъ группъ, становится все разнообразнѣе и индивидуальнѣе. Націи все рѣзче выступаютъ какъ несходныя экономическія индивидуальности, экономическая борьба все чаще превращается въ національную, нація все опредѣленнѣе и настойчивѣе отстаиваетъ свой экономическій интересъ, какъ національный; социализмъ, начавшій съ космополитизма, все замѣтнѣе эволюционируетъ черезъ интернационализмъ къ превращенію въ национальную социалистическую партію. Подобно тому, какъ

чѣмъ сложнѣе среда, тѣмъ разнообразнѣе жизнь организма, тѣмъ сложнѣе онъ самъ и богаче индивидуальность его, такъ и здѣсь, чѣмъ сложнѣе становятся въ своемъ разнообразіи комбинаціи соціальныхъ отношеній, тѣмъ опредѣленнѣе и интенсивнѣе проявляется индивидуальность націи.

Развитіе международныхъ сношеній, увеличивая количество съ различныхъ сторонъ перенимаемыхъ элементовъ, лишь содѣйствуетъ сложности и своеобразію получающейся комбинаціи. Нація, застывшая въ своемъ экономическомъ развитіи, экономически изолированная или находящаяся подъ чьимъ-либо исключительнымъ одностороннимъ вліяніемъ, нація, въ которой, при этомъ, активность проявляетъ лишь одна какая-нибудь часть ея, такая нація—нація умирающая. Съ другой стороны, если вы хотите оживить націю, какъ націю, то демократизируйте ее и помогите ей выйти изъ національной обособленности, этой угрозы оскудѣніемъ національнаго творчества, развивая въ международныхъ сношеніяхъ ея національное самосознаніе. Выражаясь словами О. Бауэра, «никогда еще сознаніе существующаго между націями различія не было такъ отчетливо, какъ въ наше время, хотя именно теперь каждая нація учится у другихъ націй и перенимаетъ отъ нихъ гораздо больше, чѣмъ когда-либо раньше» ¹⁾, только мы слово «хотя» замѣнимъ словами «потому что». Итакъ, возрастающая сложность соціальныхъ комбинацій и увеличеніе разнообразныхъ международныхъ вліяній содѣйствуютъ росту національной индивидуальности; выражаясь проще, вслѣдствіе сложности жизни, націямъ становится все труднѣе уподобиться другъ другу, а калейдоскопически смѣняющія другъ друга международныя вліянія, обогащая національное содержаніе разнообразнымъ матеріаломъ и обостряя постоянными контрастами національное самосознаніе, какъ бы подстрека-

¹⁾ О. Бауэръ. Национальный вопросъ и социалдемократія, 1909, стр. 112.

ють націи індивідуалізуватися. Въ виду этого вопросъ о національномъ творчествѣ и національномъ воспитаніи становится очереднымъ вопросомъ нашихъ дней.

IV.

Еще въ семидесятые годы Е. Марковъ, возражая Ушинскому, указывалъ на то, что мы рискуемъ принять за народность несовершенную ступень развитія народа и всячески возвеличивать это несовершенство (Китай—вотъ страна съ послѣдовательнымъ культамъ народности); онъ же настаивалъ также на томъ, что «идея народности заключаетъ въ себѣ необходимымъ образомъ идею вражды, отчужденія, обособленія. Идеаль же воспитанія есть расширение и укрѣпленіе человѣческаго союза» ¹⁾.

Остановимся на послѣднемъ утвержденіи. Строго говоря, этотъ аргументъ направленъ не противъ національнаго воспитанія, но противъ вообще эгоистическаго самоутвержденія. Развить со всей полнотой внутреннее содержаніе своей индивидуальности—безспорная задача для всякаго индивидуума, будь то отдѣльная личность, будь то цѣлая нація. И какъ для націи, такъ и для отдѣльной личности въ моментъ самоопредѣленія встаетъ неизбежно вопросъ: осуществлять ли свое развитіе посредствомъ эгоизма или же посредствомъ альтруизма. И этика уже достаточно выяснила, что исключительный, агрессивный эгоизмъ, прежде всего, опасенъ для самой развивающейся индивидуальности. Национальная исключительность ведетъ къ застою и оскуднѣю, а агрессивный націонализмъ создаетъ враждебную атмосферу въ окружающей средѣ. Агрессивный націонализмъ—лишь начальная фаза національнаго самосознанія, имѣющая, какъ это не парадоксально, еще очень много общаго съ космополитизмомъ. Логическимъ слѣдствіемъ космополитизма является отри-

¹⁾ Учебно-воспитательная бібліотека, М. 1876, т. I, стр. 115—136.

цаніе національного творчества, но то же отрицаніе національного творчества въ смыслѣ правъ на него у другихъ націй и игнорированіе положительнаго національнаго строительства, иногда даже недовѣріе къ способности къ національному творчеству у своей націи, характерно для агрессивнаго націонализма. Далеко не случайность, что именно въ нѣмецкихъ учебникахъ педагогики чаще, чѣмъ у ихъ западныхъ сосѣдей, самыхъ мирныхъ, мы читаемъ о воспитаніи общечеловѣка; не случайность, съ другой стороны, что наши псевдонаціоналисты копируютъ прусскую идеологию. Но также не случайность, что наша литература, восприимчивая и глубокочеловѣчная, — наиболѣе прочная основа упроченія русской національной культуры. Альтруизмъ всегда будетъ лучшимъ средствомъ для развитія индивидуальности, и національная идея ничуть не ближе къ идеѣ вражды и отчужденія, нежели классовая. Болѣе того, нація глубоко всегда заинтересована въ возможно большемъ матеріалѣ для своего синтеза, только надо, чтобы этотъ матеріалъ получался со всѣхъ сторонъ и усваивался органически и свободно. Національное творчество, какъ и всякое другое, не есть творчество изъ ничего, но лишь новое комбинированіе данныхъ элементовъ, и чѣмъ больше этихъ элементовъ, тѣмъ богаче творчество. Націи, какъ и личности, начинаютъ съ подражательности, чтобы кончить изобрѣтательностью; плохо только, когда ихъ насильно заставляютъ подражать. Итакъ, агрессивный, исключительный націонализмъ — такой же врагъ національности, какъ и космополитизмъ, но только это врагъ болѣе опасный, потому что тайный, коварный врагъ. Истинно національное воспитаніе не есть узконаціональное воспитаніе.

Другой аргументъ Е. Маркова имѣетъ больше основаній. Возьмемъ хотя бы не такъ давно вышедшую книгу Н. Дмитриева: «Національная школа» (1913). Теоретическія разсужденія автора таковы: національное направленіе предполагаетъ чувство любви къ народу, которое возникаетъ

не только въ силу естественныхъ родственныхъ чувствъ, но потому еще, что въ немъ мы яснѣ всего видимъ «богоносную силу». «Мы должны преклониться только предъ такимъ народомъ и служить ему, который самъ служить религіознымъ цѣлямъ» (стр. 13). Русскій народъ—народъ «богоносецъ». Школа должна обнаружить несомнѣнные достоинства и духовныя преимущества его, показать «народную правду». Изъ такого апофеоза конкретнаго русскаго народа на практикѣ получается слѣдующее: «Лермонтовымъ зачитывается юношество куда больше, чѣмъ Пушкинымъ и другими классиками. Одними глазами съ поэтомъ будетъ оно смотрѣть на покореніе Кавказа, какъ на дѣло несправедливое и жестокое. Не отсюда ли, не изъ этого ли чтенія берутъ свое начало тѣ частыя у насъ, русскихъ, нападки на свое отечество за отношеніе къ подвластнымъ народамъ... Нежелательны для національнаго воспитанія и почти всѣ стихотворенія, посвященныя Наполеону» (стр. 32—33); «Обломовъ обычно считается однимъ лишь изображеніемъ лѣни и застоя въ русской жизни. Но забывается другая сторона Обломова. Мы разумѣемъ его свѣтлый, способный къ обобщенію, чисто русскій умъ, нѣжность, гуманность, почти женскую мягкость характера. Лѣнь Обломова, его неспособность къ какой-либо дѣятельности—только временное искривленіе національной физіономіи. Положительныя же черты Обломова—существенныя, вѣковыя народныя свойства» (стр. 49). Въ итогѣ: «высокую мысль о милосердіи Божіемъ и свою «голубиную» душу получилъ Обломовъ въ Обломовкѣ... Настроеніе Обломова стало преобладающимъ въ послѣдующей русской литературѣ... Цѣль наша—одностороннее и пристрастное сужденіе смягчить, а при возможности, какъ въ данномъ случаѣ, отрицательному найти оправданіе, а положительное освѣтить и выдвинуть» (стр. 49).

Итакъ, Е. Марковъ какъ будто бы правъ: отъ Обломовки къ Китаю недалеко. Но дѣло въ томъ, что подобная форма націонализма не является отличительной чертой

всякаго націонализма, но есть лишь наиболѣе элементарная форма его. Въ своихъ похвалахъ народу и своей любви къ нему г. Дмитріевъ въ одно и то же время даетъ и слишкомъ много и слишкомъ мало. Спора нѣтъ, когда онъ говоритъ намъ о воспитаніи въ ребенкѣ національнаго самолюбія и чувства національнаго достоинства, онъ правъ, но дальше уже отъ его словъ вѣтъ гордыней; онъ объявляетъ тотъ народъ, къ которому принадлежитъ онъ самъ, носителемъ самого Бога, богоносцемъ. Больше того, онъ заявляетъ, что это сознаніе—главный источникъ его любви къ народу. Ну, а если бы народъ былъ не богоносцемъ, а «черненькимъ», какъ бы тогда г. Дмитріевъ его любилъ? А какъ быть англичанамъ и французамъ съ ихъ любовью къ ихъ народу? Намъ кажется, мать любитъ своего ребенка не потому, что онъ «избранникъ», но потому, что онъ ея ребенокъ, часть ея и ея жизни. По этой же причинѣ и мы любимъ нашъ народъ, какъ нашу собственную жизнь, и настоящій патриотъ продолжаетъ все также сильно любить народъ, даже когда этотъ народъ и темепъ, и порочепъ, продолжаетъ все попрежнему служить ему даже на краю гибели, даже когда это безнадежно, и любитъ, слѣдовательно, не потому, что этотъ народъ «бѣленькій», но потому, что, вѣтъ этой любви, невозможна и безцѣльна жизнь его самого. Но, полный національной гордыни, г. Дмитріевъ въ то же время обладаетъ поразительно слабо развитой способностью видѣть безспорно положительныя явленія въ жизни своего народа: неужели ихъ такъ мало, что понадобилось еще составлять натянутыя апологіи Обломовкѣ и гоголевскому Пѣтуху (стр. 38)? Наконецъ, чтобы такъ третировать Лермонтова, какъ это дѣлаетъ г. Дмитріевъ, надо и понятія не имѣть о томъ, что жалость и участіе къ слабому, хотя и врагу,—характернѣйшая черта русской націи, и что храбрый офицеръ кавказской арміи въ качествѣ автора «Измаила бей»—типиченъ именно для русскаго гуманизма.